

«ПРОСЛАВЛЯЮ АКТЕРСТВО...»

Великий дух бродячего актерства, как прежде, вызывает на помост. И муза театра с греческим упорством ждет искренних улыбок или слез...

В Сеитовке давали «Тилья». Клуб был маленький, зрители стояли в дверях, а пацаны сидели на полу перед сценой, загорелые и босые. На сцене из всех декораций смогли поместиться только два щита — красный и черный — и толстая чугунная цепь. Видимо, символы темного средневековья. И этот исторический период освещали три фонаря на фанерном ящике из-под костюмов. Однако зрителей не трогали детали туалета и декораций. Их волновали мысли и чувства людей, переходящие в поступки. Ведь в конце концов история тоже складывается из человеческих поступков — мелких или великих.

— Пепел Клааса стучит в мое сердце, — сказал Тилья Уленшпигель в зал, и зрители нивнули: они уже знали, о чем идет речь: о любви и свободе. Странно устроен мир, в котором надо бороться за такие естественные и необходимые, как воздух, дары природы: любовь, свобода...

Вечерние спектакли начинались поздно — часов в девять вечера.

— Раньше нет смысла, — объяснил нам главный администратор ТЮЗа Михаил Ефимович Гиндин, — пока хозяйки коров не подоят и детей не накормят парным молоком, в зале будет пусто. Вы же понимаете?..

Ночное небо над Сеитовкой все было в звездах, как трюм рыбацкой шхуны в чешуе. Конечно, лаяли собаки. Я вышел из клуба. На улице было темно и почти прохладно.

— Мои кони, оба-двое, хороши промеж собою кое-что!.. — пел финальную песенку Тилья у меня за спиной. Он чудом остался жив, хотя в него стрелял в упор коварный толстый рыбак — друг семьи. Эх, кто только в Тилья не стрелял за все прошедшие века! В упор. И влет. Издалека. А он остался жив и просит закурить с улыбкой. Он взмок, устал за два часа, догадывая в тесном зале простые истины: добро родит добро и только потому живет.

Актеры сели в голубой автобус, в котором летом жар-

Рассказ о гастрольной поездке Астраханского ТЮЗа

ко, а зимой холодно (а так хотелось, чтобы все наоборот). И пока мы ждали монтировщиков и костюмера Тамару, администратор театра показал мне «Маршрутный лист гастролей по области Астраханского областного ТЮЗа им. 50-летия ВЛКСМ». Там были обозначены районы, где труппа выступала со спектаклями Е. Шварца «Два клена» и Г. Горина «Тилья». И галочками отмечены села: Оля, Биркоса, Седлистое, Чулпан, Хмелевка, Караульное, Жан-Аул... А сегодня еще одно — Сеитовка Красноярского района.

Михаил Ефимович Гиндин, главный администратор, убрал в карман маршрутный лист и вздохнул:

— Вы знаете, какие там дороги — в районах?.. Вот именно. И на этом автобусе актеры трясутся часами.

— Галя! — сказал главный режиссер Юрий Владимирович Кочетков. — Зачем вы с королем перетянули мизансцену в правую сторону?

Галя Иноземцева, у которой на днях свадьба с этим самым королем, виновато пожалала плечами.

У каждого свои заботы, подумал я. Наконец пришли монтировщики с цепями..

— Ничего не потеряли? — спросил их режиссер. — Тогда поехали.

И мы поехали в сторону реки Волги, на шум движка и тусклый свет брандвахты. На ней мы, собственно, и жили. Брандвахта — это дебаркадер, плавучая гостиница «Мест нет». Ничего, мы прекрасно устроились на ее широкой крыше. Здесь и комаров меньше, чем в каютах. А на рассвете я вижу с крыши, как ходит по воде кругами вобла, как хлопают хвостами жерех и судак. Вижу, как умывается, набрав в ведро воды за бортом, напуган нашего буксировщика «Дозорный» дядя Паша. Слышу, как вполголоса, чтобы не разбудить артистов, он подает команды мото-

ристу. Тихонько отходим от берега, и нас провожают коровы, собаки и козы Сеитовки, а люди еще спят. И брандвахта плывет вверх по Волге, в сторону совхоза «Бузанский». Через час швартуемся в Бузани. Здесь тоже будет два спектакля. И мы с режиссером идем на разведку: узнать, каной там клуб и сколько метров сцена. Нам показывают белое здание с черной табличкой: «Школа - клуб». Навстречу со скоростью главного администратора бежит Михаил Ефимович Гиндин: «Юрий Владимирович!». «Что такое? Что случилось?» — пугается режиссер.

— Все в порядке, — докладывает Гиндин. — Зал большой, сцена приличная.

Он прав: зал большой. Мы садимся с Кочетковым в последний ряд, и он рассказывает:

— Театр уже двенадцатый сезон выезжает летом на брандвахте к сельским зрителям. В этом году на гастроли мы взяли выпускников нашей студии. В марте они сдали госэкзамен, а в мае сели на брандвахту и поплыли... Это первое для них серьезное испытание. Условия и места — прекрасные, только не для работы: солнце, вода и так далее. Но ребята выдержали — не халтурили, играли хорошо. И я не жалею, что оставил в театре всю группу выпускников — десять человек. Многие из них хотят учиться дальше: будут поступать в театральные институты в Москве и Ленинграде. Мне бы хотелось, чтобы они как можно дольше чувствовали себя студентами, а не артистами. И тот дух студии, который в них есть сейчас, поможет им и в жизни держаться вместе.

— Вот уже и свадьбы начались, — сказал режиссер почему-то грустно. — Первыми отметились Юра Минеев и Надя Егорова. За ними Галя Иноземцева и Андрей Аваков...

Я всем им предоставил возможность испытать себя в главной роли. После окончания студии Юра Минеев (Тилья) успел сыграть Айболита, репетирует Ромео. Галя Иноземцева сыграла Аэлиту. Аваков был занят в пьесе Аграновского «Остановите Малахова...»

Так, за разговорами настало время детского спектакля. «Два клена». На сцене со скрипом появилась Баба Яга (артист Валентин Крылов). В пятом ряду раздался рев: мама вывела из зала мальчика в слезах. Он был в том замечательном возрасте, когда еще бесполезно объяснять, что в театре играют, а не живут...

А в полночь в кают-компании брандвахты собралась вся команда на прощальный банкет. Банкет был актерский, простой — без затей. Актрисы Пенчковская и Власенко наварили рыбы (подарок рыбколхоза «Дружба»). Поставили на стол капусту, помидоры. Артист Потапушкин принес гитару. На стене повесили стенгазету — «молнию»: «Вовочка Закапырин! Поздравляем тебя с дочкой Аленкой!..» Дочь родилась у двадцатилетнего Закапырина. ...А потом, как всегда, настала минута первых воспоминаний о гастролях. И кто-то сказал для нас двоих, посторонних:

— Когда был ливень и мы не могли пробиться в клуб, зрители ждали нас шесть часов.

И эта фраза, сказанная в суете хорошо поставленных го-лосов и грохота гитары, объясняла смысл гастролей вверх по Волге. А может быть, для кого-то из десяти выпускников и смысл дальнейшей жизни и работы.

Великий дух бродячего актерства, как прежде, вызывает на помост...

А. ШУМСКИЙ.

Фото Е. УСПЕНСКОГО.
(Наши спец. корр.)